

Глава 2. После аплодисментов

Глухой щелчок электронного замка прозвучал в абсолютной тишине коридора, отрезая нас от внешнего мира. Индикатор над тяжелыми створками студийного блока мигнул красным. Режим приватности. Камеры отключены, микрофоны обесточены, датчики движения переведены в спящий режим. На девяносто девятом этаже Башни Vought, в самом охраняемом здании Манхэттена, я оказался в слепой зоне.

Один на один с человеком, который мог пробить мою грудную клетку быстрее, чем я успел бы моргнуть.

Я остался стоять на месте. Бежать было некуда, да и любая попытка отступить хотя бы на шаг выдала бы инстинкт жертвы. В антикризисном управлении есть золотое правило: если катастрофа уже началась, не отворачивайся от волны.

Хоумлендер медленно склонил голову набок. На его лице больше не было той лучезарной, пластиковой улыбки, которой он одаривал камеры всего десять минут назад. Золотистые волосы безупречно уложены, синий костюм сидит как влитой, ореол величайшего героя Америки сияет без единого пятна. Но глаза — холодные, пустые, нечеловечески пронзительные — смотрели на меня так, словно считывали мой генетический код.

— Падение котировок, значит, — его голос звучал мягко, почти интимно, но от этого тона воздух в коридоре казался густым и тяжелым.

Он сделал шаг вперед. Звук его сапог по полированному полу был едва слышным, но в этой мертвой тишине отдавался в ушах набатом.

— Ты сказал это с таким идеальным равнодушием, Эван. Как настоящий корпоративный солдат.

Еще один шаг. Запах озона, статического электричества и дорогого, но какого-то стерильного парфюма ударил мне в ноздри.

— Мэделин Стилвелл тоже любит говорить о котировках. Но когда я смотрю на нее вот так... — Он оказался прямо передо мной. Настолько близко, что мне пришлось чуть задрать подбородок, чтобы не разорвать зрительный контакт. — ...она потеет. У нее расширяются зрачки. И она отводит взгляд. Всегда.

Его лицо было в нескольких дюймах от моего. От него исходил жар, почти физически ощутимое излучение колоссальной энергии, сжатой в человеческом теле.

«Смотри ему в глаза. Не опускай взгляд. Не показывай горло».

— А ты не отвел, — продолжил Хоумлендер, и его голос упал до шепота, вибрирующего в моей груди. — Там, за стеклом аппаратной. Когда я был готов разнести эту чертову студию на куски. Все эти ничтожества упали на пол или отвернулись. А ты стоял прямо. И смотрел на меня. Почему?

— Потому что я выполнял свою работу, — мой голос прозвучал ровно. Я не позволил связкам дрогнуть. — Моей задачей было провести вас через кризисный момент эфира. Я не мог сделать этого, спрятавшись под стол.

Хоумлендер едва заметно улыбнулся. Это не была добрая улыбка. В ней сквозило хищное любопытство.

— Твоя работа. Конечно. — Он медленно поднял руку в красной перчатке. Я заставил себя не дернуться, когда его пальцы легли мне на грудь, прямо туда, где под тонкой тканью рубашки и пиджака колотилось сердце.

Металлическая жесткость его пальцев обжигала даже через одежду.

— Знаешь, что самое смешное в людях, Эван? — задумчиво произнес он, не сводя с меня глаз. — Вы так стараетесь контролировать свои лица. Свои слова. Вы строите из себя бесстрашных профессионалов. Но вы забываете, что вы всего лишь... мясо. Механизмы. И я слышу, как работают ваши шестеренки.

Он чуть надавил пальцами на мою грудину. Не больно, но достаточно, чтобы напомнить: одно движение, и мои ребра превратятся в труху.

— Восемьдесят ударов в минуту. Восемьдесят пять, — Хоумлендер чуть прикрыл глаза, словно наслаждаясь симфонией. — Дыхание становится поверхностным. Кровь приливает к мышцам. Адреналин. Я слышу, как он течет по твоим венам. Твое тело кричит от ужаса, Эван Кросс.

Он открыл глаза, и в них вспыхнуло опасное торжество.

— Ты лжешь мне. Ты не думал о котировках акций. Ты не думал о Vought. Ты спасал меня. Признай это.

Давление на грудь слегка усилилось. Воздух застрял у меня в горле.

Ситуация вышла из-под контроля. Все инструкции по работе с суперами, все корпоративные тренинги Vought гласили одно: соглашаться. Улыбаться. Тешить их эго. Но Хоумлендер был умнее. Он был ходячим детектором лжи. Если я сейчас скажу ему то, что он хочет услышать, но не поверю в это сам — он услышит ложь. И тогда я стану для него очередной подхалимской игрушкой, которую можно сломать, как только она наскучит.

Я не мог победить его физически. Но я мог сыграть на его поле.

«Честность. Выверенная, дозированная честность».

— Вы правы, — сказал я, глядя прямо в его пугающие глаза. — Мое тело в ужасе. Я боюсь вас.

Давление на грудь мгновенно ослабло. Хоумлендер удивленно моргнул, словно я только что заговорил на мертвом языке.

— Любой человек, стоящий так близко к вам и понимающий, на что вы способны, испытывал бы страх, — продолжил я, тщательно подбирая слова. Мой пульс колотился в висках, но разум оставался холодным. — Было бы глупо это отрицать, раз вы сами всё слышите. Да, я боюсь.

Я сделал короткую паузу.

— Но вы ошибаетесь в одном. Я спасал не вас.

Глаза Хоумлендера сузились. В коридоре стало невыносимо тихо. Температура вокруг нас, казалось, упала на несколько градусов.

— Что ты сказал? — его голос стал плоским, лишенным любых интонаций. Это был самый опасный звук, который я когда-либо слышал.

— Вы — величайший актив Vought, — твердо произнес я. — Вы — лицо Америки. Если бы вы сорвались в прямом эфире, если бы вы проявили агрессию или растерянность из-за вопроса о Трентоне, это был бы не просто ваш личный провал. Это уничтожило бы репутацию всей корпорации. Миллиарды долларов, контракты с Министерством обороны, доверие нации. Я спасал всё это. А вы просто находились в центре пожара.

Мы смотрели друг на друга долгих десять секунд. Я чувствовал, как капля пота медленно ползет по моей спине. Если я просчитался — завтра в новостях расскажут о трагическом несчастном случае на производстве. Специалист по коммуникациям подавился собственным языком.

Хоумлендер убрал руку с моей груди.

Он сделал полшага назад, окидывая меня долгим, нечитаемым взглядом. Его челюсть сжалась, желваки нервно дернулись. Он явно не привык к тому, чтобы ему отказывали в единоличном поклонении. Ему нужна была любовь. Ему нужно было, чтобы ради него совершали подвиги. А я только что свел его к статусу дорогого корпоративного ресурса.

Но в то же время... я не соврал. Мое сердце, хоть и билось быстро от страха, не сбилось на ритм

лжи. Он это знал. И, что еще важнее, я не стал перед ним заискивать.

Внезапно Хоумлендер рассмеялся.

Это был короткий, сухой смешок, не имеющий ничего общего с его публичной улыбкой.

— Актив, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Корпоративный ресурс. Потрясающе. У тебя стальные яйца, Кросс. Или ты просто полный идиот.

Он снова шагнул ко мне, но на этот раз в его движениях не было немедленной угрозы. Скорее, какая-то тяжелая, собственническая грация.

— Знаешь, почему ты мне нравишься, Эван? — Он склонился так, что его губы оказались почти у моего уха. — Потому что ты не скулишь. Ты дрожишь от страха, я слышу, как колотится твое сердце, как птица в клетке... но ты стоишь на ногах и смотришь мне в глаза. Это... освежает.

Его дыхание обожгло мою кожу. Я замер, стараясь не выдать, насколько сильно меня напрягает эта извращенная интимность.

Он отстранился, но лишь для того, чтобы снова заглянуть мне в лицо. В его глазах горело странное, лихорадочное требование.

— Скажи это еще раз.

Я нахмурился, не сразу поняв, чего он хочет.

— Что именно?

— То, что ты сказал мне в микрофон, когда этот жалкий репортер открыл свой рот, — голос Хоумлендера стал ниже, приобретая почти гипнотические нотки. — Твои инструкции. Повтори их. Сейчас. Глядя на меня.

Я мысленно вернулся на десять минут назад, в аппаратную, к пульта с включенным каналом прямой связи. Я вспомнил панику вокруг, растерянное лицо Хоумлендера на мониторах и тот момент, когда я взял контроль в свои руки.

Я выровнял дыхание. Отключил эмоции. Включил режим, в котором существовала только задача.

— Я сказал: замолчите и слушайте меня, — произнес я ровным, властным тоном профессионала. — Не оправдывайтесь. Вы — жертва обстоятельств. Вы — защитник, которому не дали спасти всех. Поднимите подбородок. Посмотрите в камеру. Улыбнитесь им с грустью.

Вы — Хоумлендер. Вы выше их сомнений.

Пока я говорил, лицо Хоумлендера менялось. Напряжение в плечах спало. Глаза чуть прикрылись, словно он впитывал мои слова через кожу. В нем читалась почти болезненная потребность в этих четких, уверенных директивах. В тот момент на эфире он терял контроль, мир рушился, и мой голос стал для него якорем.

Он не хотел, чтобы я спасал компанию. Он хотел, чтобы я управлял его реальностью.

Когда я закончил, в коридоре снова повисла тяжелая тишина.

Хоумлендер медленно открыл глаза. В них больше не было агрессии. Там было нечто гораздо более опасное — абсолютная, бескомпромиссная фиксация.

— Выше их сомнений, — тихо повторил он. — Да. Именно так.

Он поправил манжеты своего безупречного костюма. Его движения снова стали плавными, уверенными. Величайший герой Америки вернулся, но теперь этот спектакль разыгрывался исключительно для одного зрителя.

— Возвращайся в свой кабинет, Эван, — произнес Хоумлендер, отворачиваясь к лифтам. Плащ скользнул по полу с тихим шелестом. — И собери свои вещи.

Я напрягся. Увольнение? После того, как я вытащил его из репутационной ямы?

— Могу я узнать, в чем причина? — сухо поинтересовался я, сохраняя профессиональный фасад.

Хоумлендер остановился у металлических дверей лифта. Он посмотрел на меня через плечо. На его лице играла легкая, почти нежная полуулыбка, от которой мороз пробирал до костей.

— В том, что ты больше не работаешь на отдел антикризисных коммуникаций, — мягко сказал он. Двери лифта бесшумно открылись за его спиной. — С завтрашнего дня, Эван, ты работаешь только со мной.

Он шагнул в кабину.

— Увидимся утром.

Створки закрылись, оставив меня одного в пустом, звуконепроницаемом коридоре.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как адреналин наконец отпускает мышцы, оставляя после себя

сосущую пустоту в желудке. Мой пульс все еще стучал в ушах.

Я спас эфир. Я спас акции. Я спас свою жизнь в этом коридоре.

Но, кажется, я только что проиграл нечто гораздо более важное.

Теперь руководству Vought придется как-то оформлять это внезапное назначение. А мне придется понять, как выжить в роли личной собственности самого опасного существа на планете.

<http://bllate.org/book/18410/1759042>